

Апокалипсис Казимежа Деймека

СО ВРЕМЕН седовласых библейских пророков тайна продолжения жизни воплощалась в образе «Древа жизни», знакомом нам не по Священным текстам, — мы их, увыв, отвергли, — а по знаменитым, жизнерадостным фильмам Феллини, Иоселиани...

Когда старик взбирается на дерево и оттуда требует женщину — смеяться, ибо есть еще время смеяться и радоваться жизни; когда же он, как озорник мальчишка, по требованию насмерть перепуганных взрослых упорствует слезать и никого уже не требует и никого не хочет — тогда остепенитесь и все покайтесь, ибо близок конец света...

И он неминуемо и закономерно наступает в финале спектакля выдающегося польского режиссера Казимежа Деймека «Дерево», которым открылись гастрольно-прославленного «Польского театра» в Ленинграде.

Старики неспроста взбираются на деревья. Припав к их ветвям, они, дряхлые и немощные, набираются живительного сока.

К образу старика на дереве обратился и Казимеж Деймек, поставивший в 1988 г. пьесу современного прозаика Веслава Мысливского. Как и все, что делает в театре Деймек (начиная с 1949 года, со времен знаменитого созданного им в Лодзе «Нового театра»), этот спектакль, поставленный с труппой мастеров варшавского «Польского театра», стал событием в театральном искусстве. Он собирает тысячные толпы зрителей и уже сейчас вошел в золотой фонд польской национальной культуры.

Старики неспроста взбираются на деревья. Вот и этот, Мартин Дуда, по прозвищу Врлышник, однажды утром припал к ветвям могучего дуба. Не думайте, что старик свихнулся или выжил из ума: тот, кто дожил до глубокой старости, кто пережил все беды и невзгоды, к концу жизни ве слабест, а крепчает умом. Земля, горящая под ногами, гонит его искать последнего приюта среди ветвей, заставляет щебетать, как птичка, становиться невесомым, словно дух. Спасаясь, старик спасает дерево, которое пришли срубить во имя прогресса.

Накинув веревку на шею, Мартин Дуда грозит покончить с собой, если с дерева упадет хотя бы листик. Он знает: каждый листик — это живой человек, а на каждой веточке присело что-то воспоминание. Отношения внизу, под деревом, накаляются, в людском гомоне проходит целая жизнь, и не одна, быть может, пока неугомонные люди спорят и спорят. Порядок и анархия, старое и новое, бог и человек, прогресс и рутина, мораль и аморальность — все темы, все вечные проклятые вопросы обсудили, но так и не сошлись во мнениях. Высота накала страстей в финале равна силе последующего взрыва: мир погружается во тьму, выходит Женщина в свадебном уборе, с косой в руках и всех и все косит.

Спектакль, судя по его грамматике и стилю, написан наиболее привычным для Деймека-режиссера языком: языком монументальных, эпических форм, которые сочетают конкретность видимого мира и высокую прозрачную условность, присущую искусству авангарда. Наиболее очевидны эти особенности режиссерского языка в организации сценического пространства, где присутствуют все элементы традиционной сцены — кулисы, живописный задник, перспективы, — и вместе с тем весь этот набор изобретательно используется для выражения незримого, невидимого, но присутствующего в пространстве — атмосферы действия, глубинной сути произведения. Доминантой, организующей пространство, является могучее, в полсцены дерево, с раскидистыми ветвями и листьями-лодугтями.

Спектакль «Дерево» — счастливый театальный случай, который не стоит пропустить.

В. ЛУКЪЯНЧУК,
кандидат искусствоведения